

Память возвращает надежду

*Александр Дегтярев,
доктор исторических наук,
писатель, советник Председателя
Совета Федерации Федерального
Собрания Российской Федерации*

Не так давно коллектив историков во главе с профессором Владимиром Антоновичем Золотаревым, лучшим знатоком военной истории в России на сегодняшний день, приступил к созданию многотомной истории Первой мировой войны. Рассчитывают уложиться в шесть томов. Мне за отведенное на доклад время будет затруднительно осветить подробно все этапы 1-й мировой войны, поэтому ограничусь несколькими ключевыми темами, которые важны для нас сегодня.

В первый военный конфликт мирового масштаба были вовлечены 38 из существовавших тогда 59 независимых государств. Около 74 млн. человек были мобилизованы, 9.5 млн. убиты и умерли от ран, 20 млн. ранены, 3.5 млн. стали калеками.

В России было поставлено под ружье 15,5 млн. человек. В армию ушла половина работоспособных мужчин. В первые же месяцы войны русская армия потеряла убитыми и ранеными огромную часть кадрового офицерства, младших командиров (унтер – офицеров) и подготовленных к войне солдат. В результате потерь в период 1914-17 гг. кадровый состав армии поменялся несколько раз. К 1917 году армия превратилась из оплота существующего порядка и строя в стране в источник брожения и беспорядков (особенно в тылу, что, в конце концов, привело к известным событиям). В результате войны, как вы помните, рухнули 4 империи –

Германская, Австро-Венгерская, Османская и Российская – основные участники войны.

Надо сказать, что Россия с 1914 года воевала сразу на три фронта, на ход войны сильно влияли идеологические установки, имевшие своими истоками всемирную русскую отзывчивость. Лозунги того времени: помочь братьям-сербам, освободить славян от рабства Габсбургов – это об Австро-Венгрии. Освободить Францию от тевтонского меча – чуть ли не главный побудительный мотив войны с Германией. При такой постановке вопросов российские интересы отходили на задний план, что и привело к трагическим последствиям. Думаю, что нынешнее широкое обращение к истории первой мировой войны несет в себе только историческую, но и реальную практическую составляющую. Её итог применительно к России – ярчайший пример того, что происходит со страной, даже страной-победительницей, в случае раздоров в конгломерате национальных элит.

В своем выступлении коснуться двух тем – одной, если можно так выразиться, персональной – о генерале Михаиле Васильевиче Алексееве (забытый Главковерх той войны) и второй, посвященной горькому для России итогу войны, который мы должны помнить и стараться не допустить подобного.

Из истории мы знаем, что каждая великая русская война имела своего Стратега. Вспоминая борьбу с крестоносным нашествием, думаем об Александре Невском. Когда говорим о Куликовской битве, в памяти встает Дмитрий Донской. 1812 год навеки связан с Михаилом Кутузовым, а Великая Отечественная – с именем великого маршала Георгия Жукова...Применительно же к Первой мировой войне такой фигуры в российском общественном сознании как будто бы и нет...

Между тем такой стратег был. Специалистам-историкам он хорошо известен. И современники безоговорочно признавали его. Внимательное прочтение хода войны и особенно её закулисной составляющей позволяют утверждать это со всей определенностью. Таким человеком был генерал Михаил Васильевич Алексеев.

Имя генерала М.В. Алексеева, являвшегося фактическим главнокомандующим едва ли не большую часть великой войны, много десятилетий пребывает в летаргической тени. В советское время его фигура замалчивалась, поскольку он был основателем Белого движения и создателем Добровольческой армии. А в эмигрантской монархической среде сформировалось устойчивое, отраженное во многих книгах, статьях и мемуарах мнение, что генерал Алексеев и «кучка генералов» составили заговор и заставили императора отречься от престола, с чего и начались все беды. Эта ситуация замалчивания с одной стороны и искажения – с другой, сохраняется и сегодня. Будем надеяться, что столетие войны, позволит гражданам России яснее понять причины давних событий.

20 лет назад по инициативе журнала «Наше наследие» был возвращен на родину огромный архив генерала Алексеева, хранившийся у родственников в далекой Аргентине. Надеюсь, документы архива, а их великое множество, помогут историкам поставить эту фигуру русской истории на должное место.

Распространявшаяся, прежде всего в эмигрантских монархических кругах, версия о том, что Алексеев был противником монархического строя, возглавил «заговор генералов» и т. п. не имеет под собой реальных оснований. Это версия ослепленных неожиданной и фатальной для них революционной вспышкой людей, крушениям многих личных судеб и карьер.

Алексеев был убежденным сторонником монархии. Даже перед смертью летом 1918 года, когда страна уже вверглась в еще неведомую ей будущую эпоху, он писал одному из сподвижников: «Россия должна подойти к восстановлению монархии... никакая другая форма не может обеспечить целостность, единство, величие государства – объединить в одно целое разные народы, населяющие его территории...»

Его преданность Государю носила безусловный характер в течение всей жизни и воинской службы. Он не отделял интересы царствующего дома от интересов Отечества, поэтому задолго до

августа 1914 года уже видел масштаб и характер будущей войны и искал пути, которые могли привести русскую армию к успеху.

Генеральной идеей его расчетов на случай войны было осуществление быстрого упреждающего удара по Австро-Венгрии, овладение Галицией и последующее взятие Будапешта. Выбив Австро-Венгерскую монархию из войны, полагал Алексеев, мы поставим Германию на грань поражения, заставим её искать мира. Точно рассчитанный удар по слабейшему звену, прорыв половины фронта с выходом в глубокие тылы германской армии наверняка предопределили бы исход войны.

Что же помешало его осуществить? Юго-Западный фронт, который в начале войны возглавил Алексеев, успел в 1915 году выполнить значительную часть этого плана. Но завершающего блестящий замысел наступления вглубь Венгрии не последовало. Силы успешно действовавшего фронта были переброшены по просьбе терпевших на Марне поражение союзников на берлинское направление и на север. Интриги внутри высшего генералитета и царского окружения, да и внутри Антанты деформировали великолепный план.

Тем не менее, проведенная Алексеевым Галицийская операция стала для своего времени крупнейшей баталией в истории войн. В неё было вовлечено с обеих сторон более двух миллионов человек! В марте 1915 года был окружен Перемышль, 100 тысяч солдат противника сдались. Австро-Венгрия оказалась на грани военного краха. Её спасли раздразнившие в российской военной верхушке и отчаянная помощь немцев, которые перебросили для противодействия Алексееву сразу несколько корпусов. Вскоре, несмотря на непонимание и отторжение своих идей, Алексеев положил на стол высшего политического руководства новый план достижения стратегического перевеса. Он предложил осуществить масштабный удар на Балканах – в мягком подбрюшье германской коалиции. Спустя три десятилетия – уже в новой войне – эту алексеевскую идею успешно осуществили наши партнеры по антигитлеровскому союзу.

Но стратеги Антанты, видимо, еще не мыслили такими масштабами. План Алексеева был отвергнут. Вместо этого началась отдававшая затхлостью середины XIX века операция по захвату Дарданелл, которые по существовавшим тогда договоренностям должны были отойти России. Стремление полакомиться этим сыром закончилось бесславно и безрезультатно. Точнее, результат был достигнут отрицательный – противником была разгромлена Сербия, оставленная на произвол судьбы.

Лето 1915 года было временем взаимного кровососания воюющих сторон. Алексеев встретил его в должности командующего Западным фронтом. Почти три четверти русской армии находилось под его командой. Ему доверились, когда надежд почти не оставалось – армию душил ужасающий снарядный голод. Прорыв немцев в районе Вильно – Свенцяны фактически открывал врагу путь на Москву. В этих драматических условиях талант Алексеева поднялся до высоких мер военной гениальности. Глубоко и точно поняв замысел противника, он быстро и скрытно перегруппировал огромную массу войск и разгромил мощные прорвавшиеся группировки, сорвав, несомненно, победоносный замысел Людендорфа. Разработанное и исполненное им «Великое отступление» спасло армию. Гинденбург честно признал, что цели наступления не были достигнуты.

Именно в это время пришло к генералу всеобщее признание. «Спаситель русской армии» – звание выше всех наград – было присвоено ему современниками. В эти же дни получил он и новое назначение – начальник штаба Верховного Главнокомандующего, коим стал сменивший великого князя Николая Николаевича император Николай II.

Военный талант полковника Николая Романова был, конечно, ниже алексеевского. Поэтому генерал фактически руководил многомиллионной армией. Николай II в этот период был доволен деятельностью Алексеева до полного восторга. В конце августа 1915 года он писал императрице: «Не могу тебе передать, до чего я доволен генералом Алексеевым. Какой он добросовестный.

умный и скромный человек, и какой работник!»

Поразительная работоспособность Алексеева, выдающаяся военная интуиция, умение организовать дело и взаимодействие подчиненных, преодолевать скрытое политическое противодействие разношерстной политической камарильи давали свои плоды.

Лето 1916 года ознаменовалось знаменитым Брусиловским прорывом. Этот успех вновь поставил центральные державы на край пропасти. Алексеев вместе с выдающимся военным деятелем генералом Брусиловым предпринимал новую попытку осуществить свой план стратегического сокрушения противника. Однако Брусилова не поддержали действиями другие фронты. Более того, ему не дали, как и Алексееву год назад, развить собственное успешное наступление.

До 1917 года Россия находилась в стане держав-победителей. Но она выпала из колесницы, на которой ехали триумфаторы. Где же, спрашивается, находится находится эта, как ныне говорят, точка бифуркации, следом за которой последовала катастрофа?

Думаю, что время, когда был запущен этот процесс, просвещенные россияне знают. Это февраль-март 1917 года. Именно тогда возникает множественный разлом политической и государственной системы. Разнобой в ветвях реальной власти, который до этого существовал в виде тенденций, превратился в жесткие векторы разрушения. Одну линию гнула Дума, ведущие деятели которой были полны личных амбиций. Другую – придворная камарилья. Третий вектор представлял военные круги, требовавшие ужесточения внутренней политики, собирания сил в единый кулак. Последнее царское правительство было, по словам полковника Генштаба Сергеевского, неспособно «даже на простое исполнение своего долга... налицо было полное ничтожество носителей власти».

Внутриполитические деформации начала 1917 года роковым образом сказались на русской армии, готовившейся к весеннему

наступлению. Она стремительно теряла боеспособность и разлагалась. «Армии роется могила» – кратко и скорбно оценил ситуацию Михаил Алексеев, вернувшись 19 февраля 1917 года после длительного лечения на должность начальника штаба.

В конце февраля – начале марта обрушился на Россию дьявольский политический фейерверк. 26 февраля в 13.40 в могилевскую ставку пришла телеграмма командующего Петроградским военным округом о перерастании беспорядков в столице в мятеж. В 22.00 поступила телеграмма Председателя Государственной Думы Михаила Родзянко о размахе волнений. 27 февраля такую же телеграмму Родзянко направил командующему Северным фронтом генералу Рузскому. Генерал переправил её в Ставку, предложив «принять срочные меры, чтобы успокоить население». Вечером того же дня правительство, возглавляемое князем Голицыным самораспустилось.

События нарастали, как снежный ком. Ранним утром 28 февраля Николай II неожиданно уехал из могилевской Ставки в Петроград. 40 часов, почти двое суток (!) о нем ничего не было известно. По-видимому, этот отъезд и был роковой точкой, после которой всё окончательно покатило к обрыву.

Что же, спрашивается, толкнуло Николая II на этот шаг? Только ли болезнь дочерей или к этому что-то добавилось? Когда решение окончательно созрело? Описаний этого шага существует множество, а какая-то тайна или недосказанность остаются.

В современной физике существует такое понятие – «квантовая пена». Она считается основой структуры мироздания. Её нельзя непосредственно наблюдать или измерить – настолько она мала. Скажу для сравнения, что её размер соотносится с набившим всем оскомину нанометром, как этот самый нанометр – с диаметром Солнца.

Но есть во Вселенной более тонкая сущность. Это душевная организация человека. В данном случае речь о душе Николая Александровича Романова. Когда он, нежно любивший семью, узнал, что почти все его дочери болеют тяжкой корью (а ведь и

сын был неизлечимо болен!), то бросил Ставку и, никого не известив, отправился в Царское село. Этому предшествовали многочасовые телеграфные переговоры между царственными супругами. Государыня настаивала на приезде мужа в Царское Село. Позднее полковник Генштаба Сергеевский писал: «Теперь я понимаю, что за эти три часа фактически решалась судьба Империи».

Весь день 1 марта прошел в томительном невыносимом ожидании – известий об императоре не было. Только около 6 часов вечера пришла, наконец, телеграмма о том, что Николай 11 находится на станции Дно и желал бы проследовать в Псков, но пути разобраны. Алексеев немедленно приказал Рузскому направить для ремонта железнодорожную роту, и уже в 10 вечера император прибыл в Псков.

Я так подробно останавливаюсь на событиях этих нескольких дней, ибо они имели для России колоссальное значение. Современная математическая теория утверждает, что в сложных системах – а Россия к таковым, несомненно, относится – нет второстепенных факторов. То, что еще вчера казалось вещью маломасштабной и даже мелкой вдруг выходит на первый план и начинает определять течение больших, подчас великих событий и потрясений.

С появлением сведений о государе у Алексеева отлегло от сердца, хотя болезнь, сопровождавшаяся высокой температурой, продолжала мучить. Алексеев посылает на станцию телеграмму с просьбой доложить его Величеству о желательности немедленного возвращения в Ставку ввиду наступивших уже угрожающих событий. Телеграмма осталась без ответа.

Алексеев направляет еще одну: «Если Ваше Величество считает невозможным идти путем уступок Думе, то необходимо установление военной диктатуры и подавление силой революционного движения».

Но к этому времени душевная драма, переживаемая Императором,

помноженная на двухсуточное блуждание в поисках пути к конечной цели – своей дорогой семье, подточили его поначалу твердое убеждение – действовать жестко и без уступок. К тому же, по некоторым сведениям, он получил известие от императрицы, в котором она, напуганная размахом мятежа, писала, что «уступки необходимы». Видимо, её склонило к этому поведение посетившего 1 марта Царское Село генерала Иванова, назначенного диктатором тыла. Он полагал, что всякое вооруженное выступление верных государю войск грозило гибелью царской семье. А еще через несколько часов, ранним утром 2-го марта Николай лично приказывает приостановить движение эшелонов с войсками на Петроград.

В эти же часы командующий Северным фронтом генерал Рузский, активно ввязавшийся в происходящие политические события, наконец, сумел связаться с Председателем Думы Родзянко и передал ему для обнародования долгожданный Манифест о даровании ответственного (перед Думой) министерства, на создании которого еще неделю назад настаивали думцы.

Полученный вскоре ответ Родзянко обескуражил генерала. Обрисовав обстановку самыми мрачными красками, глава Думы заявил, что предлагаемое решение запоздало и явно недостаточно. Династический вопрос поставлен ребром. На все попытки Рузского возражать и сгладить противоречия только еще больше распалили думского лидера. «...ненависть к Династии дошла до крайних пределов... ..грозное требование отречения в пользу сына при регентстве Михаила Александровича становится определенным требованием».

Родзянко как мог, нагнетал обстановку, не слушая возражений Рузского: «Повторяю Вам, что сам вишу на волоске, и власть ускользает у меня из рук, анархия достигает таких размеров, что я вынужден сегодня ночью назначить Временное правительство. К сожалению, манифест запоздал, его надо было издать после моей первой телеграммы немедленно... ..время упущено и возврата нет». Все эти и другие сведения приводит на основании подлинных телеграфных лент один из самых

основательных исследователей этой коллизии Мельгунов. Поведение Родзянко, изображавшего из себя потенциальную жертву мятежников, на самом деле было весьма рациональным. Он не только объявил Рузскому о намерении создать в ближайшие часы Временное правительство, но и фактически продиктовал, что должен делать Государь – «не забудьте, переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех, и тогда все кончится в несколько дней. Одно могу сказать: ни кровопролития, ни ненужных жертв не будет, я этого не допущу». Знал бы близорукий, какую страницу российской истории он переворачивает, ослепленный минутным всевластием и самонадеянностью!

Переговоры Рузского с Родзянко, зафиксированные военным телеграфом, длились в течение всей ночи. Их главным печальным итогом стало то, что Рузский поверил Родзянко и согласился с неотвратимой необходимостью отречения. Той же ночью Рузский неоднократно будил лежавшего с высокой температурой Алексева, рассказывал о своих разговорах с Родзянко и просил Начальника Штаба запросить мнение командующих фронтами об обстановке и предполагаемом отречении.

Хочу особо подчеркнуть, что руководящее ядро государства в эти драматические часы было раздроблено на несколько частей. Полной информации о происходящем в стране не было ни у императора, блуждавшего по её просторам, ни у Думы, не знавшей положения дел на фронтах, ни у Ставки, плохо и искаженно информированной о внутривнутриполитических процессах. Единого центра управления официально не было, это подается как непреложный факт.

Был ли Алексеев инициатором запросов к командующим фронтами? Те, кто утверждает, что это его инициатива, склонны в своих рассуждениях обвинять его в заговоре с целью свержения монарха. Эта версия, возникшая в послереволюционные годы, до сих пор держит в плену многих.

На мой взгляд, это не так, чему свидетельством является запись

от 2 марта из дневника самого Николая II. «Утром пришел Рузский и прочел длинейший разговор по аппарату с Родзянко – по его словам, положение в Петрограде таково, что Министерство из членов Государственной думы – будет бессильно что-либо сделать, ибо с ними борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно Моё отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку Алексееву и всем Главнокомандующим. В 12.30 пришли ответы. Для спасения России и удержания армии на фронте Я решился на этот шаг. Я согласился, и из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал подписанный Мной манифест. В 1 час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством. Кругом измена, трусость и обман». Треугольник, в котором принималось принципиальное решение, вырисовывается довольно четко: Родзянко – Рузский – Николай II.

Запрашивая мнение командующих фронтами, Алексеев, сознательно отстраняясь от влияния на этот процесс, просил их «телеграфировать свою верноподданническую просьбу Его Величеству через Главнокомандующего Северным фронтом, известив меня».

Ответные телеграммы были представлены генералом Рузским 2 марта около 3 часов дня. После доклада Рузского, как свидетельствовал присутствовавший на докладе генерал Данилов, «наступило молчание. Государь поднялся и уставил свой взор в завешенное окно, очевидно не сознавая, что он делает. Его в обыкновенное время неподвижное лицо приняло искаженное выражение, которое мною еще ни разу не наблюдалось. Было заметно, что в душе его происходит ужасная борьба. Наступившая тишина ничем не прерывалась...Вдруг Император Николай Александрович резко повернулся к нам и твердым голосом заявил: «Я решил... Я решил отречься от Престола в пользу Моего сына Алексея. Благодарю вас за примерную службу. Я надеюсь, что будете служить так же верно и Моему сыну».

Практически сразу Император собственноручно написал две

телеграммы. Первая была адресована Алексееву: «Начштаверху Ставка. Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России, Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына. Прошу служить ему верно и нелицемерно. Николай».

Второе послание с копией для Ставки было отправлено Родзянко: «Нет той жертвы, которой бы я не принес во имя действительного блага и спасения родной матушки России. Посему я готов отречься от престола в пользу Моего Сына с тем, чтобы Он оставался при Мне до совершеннолетия при регентстве брата Моего Великого князя Михаила Александровича. Николай».

По получении телеграммы Алексеев призвал начальника дипломатической канцелярии Ставки и поручил ему составить манифест об отречении. Скоро текст был составлен и отправлен в Псков. В 3 часа Псков сообщил, Николай оставил текст у себя, и окончательное решение будет принято после беседы с двумя лицами, выехавшими к нему из Петрограда. Имелись в виду Гучков и Шульгин, которые добрались до Пскова лишь после 10 вечера.

За эти семь часов ожидания в первоначальном решении Николая произошла коренная перемена. Её тоже можно назвать роковой. После разговора с доктором Федоровым, высказавшим мнение о неизлечимости больного гемофилией наследника, Император решил изменить манифест и отречься в пользу брата Михаила Александровича. Этот документ и был направлен в ставку и вручен Гучкову с Шульгиным.

Концовка телеграммы, присланной в эти часы в Ставку, гласила: «...подписать указ Правительствующему Сенату: Первый – о бытии Председателем совета Министров князю Львову, Второй – о бытии Верховным Главнокомандующим Великому князю Николаю Николаевичу. После сего Его Императорскому Величеству богоугодно было подписать Акт отречения от Престола за Себя и за Сына и о передаче Престола Великому Князю Михаилу Александровичу».

В Ставке это вызвало шок. «Среди шума голосов, вырвавшихся у окружающих меня лиц, – вспоминал Сергиевский, – я отчетливо слышал крики полного изумления: генерала Лукомского – «Михаилу?» и великого князя Сергея Михайловича – «Как Михаилу? Вот так штука!»»

Обстоятельства и дальше менялись с калейдоскопической быстротой. Ночью 3 марта Алексееву позвонил Родзянко с просьбой задержать передачу в армию манифеста об отречении, поскольку не выяснено отношение Михаила Александровича к вопросу его вступления на престол. Алексееву пришлось направить такие телеграммы, поскольку волею Николая высшей властью перед отречением он определил Правительствующий Сенат и Временное Правительство во главе с князем Львовым.

После разговоров той же ночью с генералом Рузским, Алексеев, видимо, понял, что пауза нужна Родзянко и его сподвижникам для того, чтобы развить интригу и получить манифест об отречении Михаила. И поэтому он счел необходимым утром 3 марта направить главам всех фронтов телеграмму, в которой высказал своё мнение о действиях политика: Родзянко неискренен и неоткровенен и находится под мощным давлением левых элементов и Совета рабочих и солдатских депутатов. Родзянко имеет в виду поставить представителей армии перед совершившимся фактом».

Но события уже ушли за красную черту. Днем 3-го марта Сенат узаконил два манифеста – один подписан императором Николаем, второй его братом Михаилом. С полудня 3 марта законной властью в России стало Временное правительство.

Телесные муки Алексеева дополнились в эти часы и дни душевными терзаниями. По свидетельству дочери В. Алексеевой-Борель, она никогда, даже в дни позднейшего трагического крушения России «не видела отца таким мрачным, подавленным, угнетенным». Его преданность монархии и династии проходила через острые трагические испытания. Пытаясь сохранить армию и еще на что-то надеясь, он в тот же день издает приказ № 1925 «Об уничтожении революционных шаек», призванный остановить

разложение армии. Планирует провести совещание командующих фронтами «для установления единства во всех случаях и во всякой обстановке», резко возражает военному министру Гучкову, предлагавшему меры разрушительного для армии характера...

Но время ушло, история совершила свой очередной непредсказуемый поворот. В ночь на 3-е марта в Ставку пришло сообщение о том, что Николай выехал из Пскова в Могилев. Алексеев отдал распоряжение, чтобы отношение к оставившему престол императору было таким, как прежде. Была устроена торжественная встреча на вокзале, Николай обошел строй встречавших его генералов и офицеров, каждому пожал руку. Дойдя до конца шеренги, государь, по свидетельству полковника Сергеевского, «закрывает лицо обеими руками и быстро идет к своему вагону. Плечи его вздрагивают от рыданий. Не останавливаясь, он входит в вагон. Генерал Алексеев входит за ним, и дверь вагона закрывается».

4 марта состоялась официальная передача дел – отрекшийся император начертал на листе бумаги: «Сдал фронт. Николай». Ниже Алексеев написал: «Принял фронт. Алексеев».

Николай пробыл в Ставке до 8 марта и отбыл после получения гарантий от Временного правительства – о беспрепятственном проезде в Царское село и последующем отъезде с семьей в Англию. Но практически сразу был издан указ об аресте монарха. В Ставке кроме Алексеева никто не знал о поступившем решении. В последние минуты перед отъездом Алексееву пришлось выполнить тяжелейшую миссию – сообщить об этом Николаю. Такой была отправная точка трагедии, приведшей к гибели царской семьи.

10 марта в Ставку прибыл назначенный последним указом императора Главковерхом великий князь Николай Николаевич. Однако осуществить «второе пришествие» (он был Главнокомандующим с июля 1914 по август 1915 г.) на этот пост и принести присягу ему не довелось – указом Временного правительства он был уволен в отставку. Мнение о событиях тех

дней, содержащееся в его мемуарах, будут опубликованы не скоро – по завещанию, через сто лет после его смерти, то есть в 2029 году.

Временное правительство, на которое свалилась вся полнота власти в воюющей стране, было не в состоянии охватить всю гигантскую сложность политических, военных, социальных проблем. Поэтому, уволив Николая Николаевича, оно вынуждено было назначить исполняющим обязанности Главковерха генерала Алексева. 2 апреля 1917 года Алексеев был утвержден в должности Главковерха, на которой находился до конца мая и был смещен после того как предложил Керенскому восстановить военные суды в разлагающейся на глазах армии.

За следующие полгода на должности Главковерха побывали генерал Брусилов, генерал Корнилов, юрист Керенский, генерал Духонин (17 дней в ноябре) и, наконец, прапорщик Николай Крыленко, назначенный большевиками. Николай II оставил должность 2 марта 1917 года, Николай Крыленко – 2 марта 1918 года, после подписания Брестского мира. Таким образом, ровно за год – день в день! – Верховное главнокомандование России совершило головокружительный спуск – от императорской короны до погон прапорщика.

Финал первой мировой войны был для России просто ужасен. В условиях большой войны вслед за отречением руководившего войсками государя, нарушаются все достигнутые по этому поводу политические договоренности. Вместо отрока-императора уходящий монарх предлагает престол инфантильному брату, который тут же от него отказывается. Ликующая политическая камарилья, поддержав лозунг войны до победного конца, распускает единственный худо-бедно легитимный орган власти – Государственную Думу, оставляя на ее развалинах эфемерный Временный комитет ГД, главной задачей которого объявляется организация выборов в Учредительное собрание. Осуществить такие выборы в условиях российских пространств и в мирное время задача долгосрочная и трудная. А война идет своим чередом у неё свои законы. Это фантастическое самопожирание,

логично закончилось судорогами корниловского мятежа, а затем Великим Октябрём.

Многие считают большевиков основными виновниками поражения в войне . Может быть, надо было продолжать войну до победного конца, как это пытались сделать все предыдущие политические силы?

Большевики, взяв власть, взяли на себя – деваться было некуда – и решение военных проблем. Правда, места прагматическим военным и политическим решениям не осталось совсем. По убеждению большинства лидеров большевизма мировая революция уже стояла на пороге. Россию понаехавшие из эмиграции вожди считали топливом этого всемирного пожара.

Красные сполохи действительно метались по Европе, охваченной войной. Но это были не глубинные течения, а миражи и сияния, рожденный мировой бойней, ослабившей многие государства. Ленин – «кремлевский мечтатель», вставший у руля государства, в конце 1917 – начале 1918 года быстро набирался опыта практического руководства. Он оказался едва ли не единственным реалистом в среде своих соратников, предлагая подписать мир на первоначальных германских условиях, но регулярно при решении вопросов войны и мира оставался в меньшинстве! «У нас нет армии!» – взывал он к разуму своих товарищей по партии на заседаниях Совнаркома и ЦК. 25 января он писал в «Правде»: «Мучительно-позорные сообщения об отказе полков сохранять позиции, об отказе защищать даже нарвскую линию, о неисполнении приказа уничтожать всё и вся при отступлении; не говорим уже о бегстве, хаосе, безрукости, беспомощности, разгильдяйстве».

Как говорится, за что боролись... Предвидения Алексеева. последовательно боровшегося с разложением армии, осуществились в предельно полной мере – армии не стало. Посмотрите – вот голосование 21 января 1918 года на совещании членов ЦК. За ленинские предложения – 15 голосов, за позицию «левых коммунистов» во главе с Бухариным, жаждавших революционной

войны с международным империализмом – 32 голоса, А за фантастическую иезуитскую формулу Троцкого – «Ни мира, ни войны, армию демобилизуем!» – 16 голосов.

Эта формула и была объявлена на новых переговорах 28 января 1918 года. Заявление Троцкого настолько изумило немцев, что в зале переговоров несколько минут стояла тишина. Член германской делегации Гофман, наконец, пришел в себя и воскликнул – «Неслыханно!». Глава делегации статс-секретарь ведомства иностранных дел Кюльман, прожженный дипломатический прощелыга европейского масштаба, тут же сделал нужный Германии вывод – «Следовательно, состояние войны продолжается!». Троцкий, покидая зал, высокомерно ответил ему – «Пустые угрозы!»

Во что это обошлось России это безмозглое легкомыслие после того, как германцы буквально через несколько дней еще раз хорошо надавили? Потери России выросли многократно. Новые условия «похабного, аннексионистского», по точному выражению Ленина, Брестского мира многократно умножились. Она потеряла территории, на которых проживали 50 миллионов человек, где добывалось 70% железной руды, 90% угля и т. д. Она выплатила Германии контрибуцию – 90 тонн золота. Честно говоря, воспоминание об этих золотых слитках и миллионах монет вызывает у меня дополнительную душевную досаду. Ведь буквально через несколько месяцев по Версальскому договору Германия обязалась выплатить огромную золотую контрибуцию союзникам! И русское золото было ссыпано в валютные закрома вчерашних «братьев» по оружию. «Братья», правда, оказались весьма условными, поскольку уже через год высадились в разных концах России с крупными воинскими контингентами.

Здесь будет уместно вспомнить нобелевского лауреата по литературе, непосредственного участника европейских событий большого «друга» России Уинстона Черчилля. «Ни к одной стране мира судьба не была так жестока, как к России. Её корабль пошел ко дну, когда гавань была в виду. Она уже перетерпела, когда всё обрушилось. Все жертвы были принесены, вся работа

завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была выполнена. Долгие отступления кончились; снарядный голод побежден; вооружение притекло широким потоком; более сильная, более многочисленная армия, лучше снабженная армия сторожила огромный фронт, тыловые сборные пункты были переполнены людьми. Алексеев руководил армией. Колчак – флотом. ...никаких трудных действий больше не требовалось...». Блестящий пассаж – в одном абзаце судьба огромной страны и огромной войны!

А что делал в эти драматические месяцы конца 1917 – начала 1918 гг. генерал Алексеев? После сентябрьской (1917) отставки с поста начальника штаба при Главковерхе Керенском генерал уже никогда не возвращался на военные должности в российской армии. Концовка жизни была заполнена для него сплочением неформальных военных сил, созданием «Алексеевской организации». По сути своей это была отчаянная попытка спасти сгоравшую в бойне войны и революции Россию. Затем, уже после Октября было создание Добровольческой армии, борьба на юге, руководство Директорией. Он говорил об этой работе – «Моё последнее дело на земле». Тяжелая болезнь оборвала его жизнь 8 октября 1918 года.

Генерал Михаил Васильевич Алексеев был в октябре 1918 года похоронен со всеми воинскими почестями в Екатеринодаре. Позднее, спасая его прах от поругания, семья перевезла останки полководца в Белград. На Русском кладбище столицы Сербии вы найдете, если сможете, могилу, на которой начертано только имя – «Михаил».

Конечно, в год вековой годовщины Первой мировой войны было бы правильно по согласованию с родственниками М. В. Алексеева (они живут в Аргентине) и властями республики Сербия перенести прах Главнокомандующего в Россию и захоронить его, например, в некрополе Донского монастыря или Александро-Невской Лавре. Это стало бы событием, позволяющим по достоинству оценить заслуги генерала. Место праху выдающегося военачальника генерала Михаила Васильевича Алексеева – в нашей земле! Как писал выдающийся русский поэт второй половины XX века Юрий

Кузнецов – «Земля возвращает истлевшие кости, а память надежду...»